

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 069:008:342.31

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-3-245-254

Актеры музейного дискурса современной России

Арканникова М.С.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29
arkann_ms@spbstu.ru

Аннотация. Роль музейного дискурса в коммуникативной системе современной России и в системе национальной безопасности в целом в условиях геополитических вызов и развития политического дискурса в семантике всепроникающей культуры отмены, инициированной Западом в формате механизма применения новой этики как символического акта забвения, приобретает особую значимость. Анализ музеологических концепций, сложившихся в научной литературе, основан на методологическом плюрализме подходов дискурсологии, политологии, теории коммуникаций и теории поколений. Рассматривая музейный дискурс как преодоление экзистенциальной угрозы для современной России, автор выделяет среди акторов не только субъект – объект/адресант – адресат, а также всех заинтересованных акторов: музей – государство – наука – образование – промышленность – бизнес – общество – медиа. Автор делает вывод о том, что музейный дискурс как коммуникативный феномен, обладая высокой степенью интертекстуальности, особым полисубъектным и конвергентным потенциалом всех заинтересованных акторов коммуникации, осуществляет смыслообразование, символическое смыслопроизводство и создает модель социокультурной реальности, способную осуществлять социально и политически значимые функции в коммуникативной системе, оказывать политическое воздействие и легитимацию политической системе и власти.

Ключевые слова: музейная сфера, культура отмены, коммуникация, теория поколений

Для цитирования: Арканникова М.С. 2024. Актеры музейного дискурса современной России. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(3): 245–254. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-245-254

Actors of Museum Discourse in Modern Russia

Marina S. Arkannikova

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great,
29 Politekhnickeskaya St, St. Petersburg 195251, Russia
arkann_ms@spbstu.ru

Abstract. The article is devoted to the study of actors in the museum discourse of modern Russia. The relevance of the topic under study is determined by the role of museum discourse in the communication system of modern Russia and, more broadly, in the national security system. In the context of geopolitical challenges and the development of political discourse in the semantics of the pervasive cancel culture, initiated by the West in the format of a mechanism for applying new ethics as a symbolic act of oblivion, the national museum discourse acquires special significance. Considering museum discourse as overcoming an existential threat to modern Russia, the author identifies among the actors not only the subject – object / addressee – addressee, but also all interested actors museum – state – science – education –

industry – business – society – media. The author concludes that museum discourse as a communicative phenomenon, having a high degree of intertextuality, a special polysubjective and convergent potential of all interested communication actors, carries out meaning formation, symbolic meaning production and creates a model of sociocultural reality capable of performing socially and politically significant functions in the communication system, exerting political influence and legitimizing the political system and power. The analysis is based on the methodological pluralism of the approaches of discourse science, political science, communication theory and generational theory.

Keywords: museum sphere, cancel culture, communication, theory of generations

For citation: Arkannikova M.S. 2024. Actors of Museum Discourse in Modern Russia. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(3): 245–254 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-3-245-254

Введение

В части изучения места и роли акторов в коммуникативной системе современные социогуманитарные знания не испытывают дефицита научных работ. Однако новый этап общественно-политического развития, в котором одним из ведущих игроков глобальных процессов стали акторы коммуникационного пространства [Арканникова, 2021; Гавра, Арканникова, 2024] актуализирует заявленную автором тему. Новая коммуникативная реальность, цифровая трансформация общества как геополитический проект непрерывно формирует актуальный медиамир, усиливает значение виртуальной реальности и нарастание информационных потоков, обуславливает конструирование дискурсов, способных формировать уникальную и во многом дифференцированную информационную повестку как веяние времени.

Благодаря новым принципам социального запроса на полилог и полноправную субъект-объектную коммуникацию дискурсы приобрели статус коммуникативного явления, которое характеризуется публично-массовыми факторами развития и институциональной способностью влиять на общество и те процессы, которые в нем происходят. Дискурс предстает как подчиненное сложной коммуникативной системе детерминант многогранное и многоуровневое социально-политическое, социально-культурное и социально-психологическое явление, с разных сторон включенное в жизнь человека и общества и характеризующее его определенную национальную и культурную обусловленность. Виртуализация коммуникационных процессов представляется в этой связи весьма сензитивным фактором для дискурсивизации социального мира. Функционируя в определенном социальном пространстве, дискурс не только отражает социальную действительность, но и формирует социальную идентичность, картину мира, представления, смыслы, ценности и установки.

К числу таких дискурсов, которые на современном этапе общественного развития получили публичность и оказывают влияние на стратегические направления развития страны, относится музейный дискурс. Состояние и перспективы развития музейного дискурса входят сегодня в число актуальных вопросов и наиболее острых в контексте таксономии национального, политического и культурного дискурсов.

Постановка проблемы и методы исследования

Следует констатировать, что музейный дискурс прежде не являлся предметом научных исследований. Достаточно изученной является категория «музей», исследуемая в логике философских и социологических теорий, для которых характерен междисциплинарный культурологический контекст, как строительная единица двух универсальных концептов – «музейности» и «музейной коммуникации» [Parsons, 1951;

Berger, Luckmann, 1966; Bourdieu et al., 1977; Hoffman, 1983; Merriman, 1989; Hein, 2000; Weil, 2002; Акулич, 2004; Сапанжа, 2011]. Вместе с тем анализ музеелогических концепций, сложившихся в научной литературе, позволяет охарактеризовать музейную сферу как совокупность коммуникативных актов (по Д.П. Гавре) в качестве «социального атома» (по Н. Луману), диалогичности (по М.М. Бахтину), связанных с постижением смысла в рамках однократного завершенного коммуникационного взаимодействия. Так, по мнению культуролога О.С. Сапанжи [2011], компонентами структуры концепта музейности становятся объект (музеалии), субъект (человек), актуализирующие музейность, и процесс этой актуализации (процесс музеализации), где активизация структуры «музеалии – музейность – музеализация» возможна только посредством деятельности познающего их субъекта. Уточнение коммуникационного канала мы находим в авторской типологии конвенциональных и неконвенциональных каналов в структуре музейной коммуникации у культуролога Е.Г. Саркисовой [2022]. Такое видение структуры коммуникативной среды, по ее мнению, позволяет определить базовые компоненты коммуникационного процесса по двум основным каналам: «Общество → Музей → Общество»; «Музей → Общество → Музей» [Саркисова, 2022, с. 11, 18]. Вместе с тем следует констатировать, что характер всей совокупности природы коммуникаций современной музейной сферы, описанных в контексте процессно-информационного (трансмиссионного) подхода к коммуникации¹, остается сегодня за скобками исследовательского поля научного сообщества.

Наличие разнообразных школ и подходов к изучению теории дискурса обусловило широту в методологической установке-гипотезе авторского осмысления музейного дискурса в логике того, что «дискурс – особый способ репрезентации мира» [Йоргенсен, Филлипс, 2008, с. 233], своеобразные memory traces (по Э. Гидденсу) в совокупности интровертивной формы коммуникации (текст) и экстравертивной формы коммуникации (дискурс) (по К. Юнгу), установления «прямого контакта с прошлым» (по Й. Хейзингу) и когнитивного единства (по Ю. Хабермасу), выполняющие социально-коммуникативные функции «увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т. е. другой субъект» (по М.М. Бахтину), которые формируют культурные коды и репрезентуют смыслы (по Ж. Бодрийяру), обладают властной силой в определенном ментальном пространстве и историческом контексте (по М. Фуко, ван Дейку Т.А.).

В рамках данной работы автор опирается на принцип методологического плюрализма в исследованиях М. Фуко, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё, ван Дейка Т.А. и Ж. Бодрийяра на стыке постмодернистской репрезентации культуры, истории, власти, знания, языка, семиотики, лингвистики в контексте научных концептов структурализма и постструктурализма, критического дискурса-анализа.

Под музейным дискурсом автор понимает системно организованный комплекс языковых коррелятов национальных музейных практик, нацеленных на проведение государственной политики воспроизводства национальной исторической памяти. Онтологически данный дискурс функционирует как совокупность текстов / коммуникативных продуктов разной природы, производимых субъектами музейной коммуникации на предмет объектов, включенных в процесс производства/воспроизводства национальной исторической памяти или ее компонентов. Продуктом этого дискурса будут являться замкнутые на эффект музейной коммуникации ментальные конструкты в сознании аудитории, обладающие потенциалом диалогизма и конвертации и обуславливающие многоуровневую комбинаторику когнитивных, аффективных и конативных компонентов, реализующих процессы воспроизводства национально-государственной идентичности [Арканникова, 2023а, 2023б, 2024а, 2024б; Гавра, Арканникова, 2024].

¹ Согласно моделям, предложенным Г. Лассвеллом, Р. Брэдкоком, К. Шенном и У. Уивером, Дж. Гербнером, Т. Ньюкомба, Б. Вестли и М. Маклинным.

Результаты и их обсуждение

Осуществляя анализ акторов музейного дискурса, следует отметить, что данный дискурс является институциональным феноменом, обладающим свойствами системы и характеризующийся динамичностью и диалектичностью. Под дискурсом понимается коммуникация особого вида, специфический диалог, определенным образом построенный всеми участниками коммуникации, включающий их коммуникативные цели, намерения и ценностные установки, социальные роли, регламент и правила общения (как формальные, так и неформальные). В этом плане дискурс не только продукт речевой деятельности социальных субъектов, но и процесс его создания, который определяется экстралингвистическими факторами, регламентированными всеми тремя видами социальных связей: социальный контакт, социальное действие, социальное взаимодействие, то есть коммуникативным контекстом, условиями производства контента и коммуникативными эффектами [Арканникова, 2023в].

Обладающий сложной структурой музейный дискурс включает в себя многообразие типов субъектов и объектов, состоящих друг с другом в разных иерархических взаимодействиях. Дискурсивная личность (субъект/объект музейного дискурса) представляет собой языковую личность, порождающую определенный дискурс в виде непрерывно возобновляемого или законченного, фрагментарного или цельного, устного или письменного сообщения [Плотникова, 2005]. Феномен медиатизации современной префигуративной (по М. Миду) культуры позволяет называть дискурсивную личность просьюмером (просьюмеризм: producer + consumer), создающим контент и вовлекающим самые разные аудитории в потребление и производство контента.

В логике данных рассуждений автор считает необходимым учитывать поколенческие характеристики аудиторий (в контексте историко-антропологического, социологического и психологического подходов¹). Во-первых, поколения являются субъектами общественной жизни. Во-вторых, возрастные общности имеют знаковую природу (собственное имя, специфические каналы коммуникации, внешние знаки отличия, групповое самосознание, специфику межпоколенческих коммуникаций). В-третьих, каждое поколение определяется ключевыми совместно переживаемыми историческими событиями, несмотря на кардинальные перемены технологического, политического и экономического порядка (исторический опыт, историческая память как основа единства поколения, историческая роль поколения в общественном развитии и др.) [Авакова и др., 2022; Ульянова, Никифорова, 2022].

Медиатизация новой социальной реальности, расширение каналов коммуникации, расширение символического пространства СМИ и когнитивных пространств в коммуникативной системе современной России актуализирует место и роль институциональных акторов музейного дискурса. По мнению автора, роль данных акторов становится архивостребована в условиях когнитивных, ментальных войн, воплощаемых сегодня в том числе в семантике всепроникающей культуры отмены [Арканникова, 2023а, 2023б; Гавра, Арканникова, 2024]. Эффект культуры отмены, основанный на механизме действия «спирали молчания» (по Э. Ноэль-Нойману) [Ассман, 2019, с. 59; Рустамова, Адрианов, 2023, с. 43] по существу стал инструментом политики, выполняющим функцию дифференциации общества на «своих» и «чужих», заставляющих пересматривать ценности и мнения [Быков, Ахмедова, 2021; Лисица, Туркулец, 2022; Никитин и др., 2022; Савруцкая и др., 2022; Чугров, 2022; Хлыщева, 2023, с. 16].

¹ В данной работе автор опирается на результаты исследования, проведенного под руководством Арканниковой М.С. научным коллективом Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью ГИ СПбПУ в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» Российской Федерации в 2022 году. См. подробнее [Авакова и др., 2022].

В контексте дискурсного анализа семантику дискурса культуры отмены автор определяет как некоторый содержательный комплекс, интегрирующий следующие онтологические форматы:

- складывающаяся де-факто нормативная основа навязываемого нового миропорядка (добавим, основанная на так называемых правилах);
- деформированная несимметричная интеракционная система коммуникаций;
- осознанная и умышленная социальная практика, направленная не столько на передачу информации, сколько на имплантацию в сознание аудитории выгодных дискурсивного агрессору смыслов, где существенную роль играет контекст и асимметрия коммуникации [Гавра, Арканникова, 2024, с. 146].

Рассматривая музейный дискурс как преодоление экзистенциальной угрозы для современной России, автор выделяет среди акторов не только субъект – объект/адресант – адресат, а также всех заинтересованных институциональных акторов: музей – государство – наука – образование – промышленность – бизнес – общество – медиа. По мнению автора, музейный дискурс как коммуникативный феномен, обладая высокой степенью интертекстуальности, особым полисубъектным и конвергентным потенциалом всех заинтересованных акторов коммуникации, осуществляет смыслообразование, символическое смыслопроизводство и создает модель социокультурной реальности, способную осуществлять социально и политически значимые функции в коммуникативной системе, оказывать политическое воздействие и легитимацию политической системе и власти.

Поскольку музейный дискурс предстает как интенционально обусловленное явление и представляет собой иерархическую систему полилога (т. е. он всегда коллективен), акторы, субъекты и объекты которой обладают разным коммуникативным капиталом, целесообразно вести речь о коммуникативном статусе. Автор разделяет мнение В.В. Родиной [2022, с. 30–31], понимая под коммуникативным статусом зависимость конкретных коммуникационных действий от степени вовлеченности в процесс коммуникации. На коммуникативный статус оказывает значительное влияние принадлежность актора к тому или иному социальному статусу, институту, сообществу, его целей и задач в системе дискурсивного обмена, а также экстралингвистические факторы, которые его характеризуют.

Так, например, целевые функции музейного дискурса с точки зрения такого институционального актора, как государство, может отличаться от целей собственников музеев, а также от целей медиасообщества. Если говорить о коммуникативном статусе поколения Z (условное название родившихся в 2001–2016 годах), осознающего себя частью историко-культурной общности России, новым поколением, связанным особой ролью с прошлыми и будущими поколениями, то следует отметить, что история и культура остаются на периферии их внимания. Во многом это можно объяснить несколькими факторами: 1) индивидуализацией и стремлением к построению эгоцентричного мира (они сосредоточены на себе, своей уникальности, своем внутреннем мире); 2) сильной ориентированностью молодежи на современность и ближайшее будущее (своего рода прагматизм по отношению к исторической памяти); 3) ценностью личного опыта и чувств; 4) процессы социализации молодых поколений происходят в условиях новых цивилизационных отношений, для которых характерно разрушение исторически сформировавшейся и устойчиво сохранявшейся системы этнокультурных кодов, обеспечивающих преемственность поколений; 5) семантика новой виртуальной реальности формирует образы, не имеющие реального объекта отражения (симулякры, имиджи и пр.) и размывающие концепт «идентичность» в сознании молодежи [Авакова и др., 2022, с. 118–120, с. 130–133; Савруцкая и др., 2022, с. 77–78; Ульянова, Никифорова, 2022, с. 108].

Опираясь на широкий методологический подход дискурс-анализа [Плотникова, 2005; Йоргенсен, Филлипс, 2008; ван Дейк, 2015; Русакова, Грибовод, 2018; Родина, 2022;

Русакова и др., 2022; Русакова, 2023а, 2023б], в когнитивной структуре музейного дискурса можно выделить ряд моделируемых уровней, так называемое евклидово пространство, где происходит инициация акторов с их конкретным коммуникативным статусом.

Обозначим их:

1. Витальный уровень, определяющий национальную безопасность государства в части воспроизводства культурного кода нации.

2. Концептуальный уровень, включающий дискурс стратегических документов (национальные стратегии, доктрины, финансовые целевые проекты и программы в области культуры, музейной деятельности), которые определяют сущность политики памяти в формате интегративной коммеморативной практики.

3. Регулятивный уровень, осуществляющий целедостижение политики памяти, нацеленность на управление со стороны государства и иных мнемонических акторов коллективной памятью посредством конструирования образа нации, государства, производства определенных способов репрезентации политически значимых смыслов, символов, нарративов, выполняющих роль когнитивных и символических скреп для формирования ценностного ядра национальной идентичности государства.

4. Технологический уровень, определяющий внедрение передовых инновационных продуктов и технологий в развитие современной музейной сферы, которые, с одной стороны, развивают музейную инфраструктуру, с другой, – обуславливают синергию коммуникативных эффектов.

5. Потребительский уровень, реализующийся в формате синтеза четырех коммуникативных эффектов: 1) эффект «расширения человека» (по М. Маклюэну), 2) эффект «гедонистической модели» (по Ф. Штихлеру), 3) эффект «общества переживаний» (по Г. Шульце) и 4) эффект «общества со-участия» (по Г. Дженкенсу).

Заключение

Являясь по своей структуре упорядоченной последовательностью совокупных коммуникативных актов, музейный дискурс предстает как определенное когнитивное единство всех акторов взаимодействия, характеризующееся семантической и информационной связностью. В данном контексте для анализа музейного дискурса требуется учитывать коммуникативный статус дискурсивной личности (субъект/объект) и/или институционального актора, а также уровни, так называемое евклидово пространство, где происходит инициация акторов с их конкретно проявленным коммуникативным статусом.

Исследование показало, что фактор наличия определенных акторов музейного дискурса предопределяет конкретный семантический дизайн данного дискурса, обусловленный коммуникативными стратегиями и тактиками акторов, и в конечном счете реализует самые разные коммуникативные эффекты.

Список литературы

- Авакова Э.Б., Арканникова М.С., Ульянова С.Б., Холод А.В. 2022. Поколение 2030: в поисках образа студента будущего. В кн.: Боровков А.И., Виноградова Е.Б., Арканникова М.С. [и др.] Университет 2030: в поисках образа будущего. Под ред. А. И. Боровкова [и др.]. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС: 118–153.
- Акулич Е.М. 2004. Музей как социальный институт. Автореф. дис ... докт. социолог. наук. Тюмень, 37 с.
- Аникин Д.А. 2017. Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: Методологические основания исследования. *Logos et Praxis*, 16(3): 32–39. DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.5](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.5)
- Арканникова М.С. 2021. Предисловие. В кн.: Арканникова М.С., Евсеева Л.И., Зубко Д.В. [и др.] Политология. Под ред. М.С. Арканниковой. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС: 4–9. DOI: [10.18720/SPBPU/2/i21-99](https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i21-99)

- Арканникова М.С. 2023а. Право на развитие: музей как национальное достояние. *Казанская наука*, 7: 151–154.
- Арканникова М.С. 2023б. Феномен музейного дискурса в системе политического дискурса: вызов национальной культуре. *Казанская наука*, 9: 314–316.
- Арканникова М.С. 2023в. Музейный дискурс как категория коммуникативного анализа. *Казанская наука*, 8: 116–118.
- Арканникова М.С. 2024а. Коммуникативные эффекты современной музейной сферы. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*, 2–2(44): 84–88. DOI: [10.51965/2076-7919_2024_2_2_84](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_2_2_84)
- Арканникова М.С. 2024б. Современная музейная сфера как объект и субъект коммуникации. *Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева*, 2–2(44): 75–83. DOI: [10.51965/2076-7919_2024_2_2_75](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_2_2_75)
- Ассман А. 2019. Забвение истории – одержимость историей. Пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва, Новое литературное обозрение, 552 с. (Assmann A. 2016. Formen des Vergessens. Göttingen, Wallstein Verlag, 224 s.)
- Быков И.А., Ахмедова Ю.Д. 2021. Культура отмены в политическом дискурсе современной России. *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*, 1(1): 14–26. DOI: [10.24334/KBSU.2021.1.1.002](https://doi.org/10.24334/KBSU.2021.1.1.002)
- Ван Дейк Т.А. 2015. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. Е.А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А.М. Аматава. Москва, УРСС, Книжный дом ЛИБРОКОМ, 352 с. (Van Dijk T.A. 2008. Discourse and power. Macmillan Education UK, 308 p.)
- Гавра Д.П., Арканникова М.С. 2024. Музейный дискурс в системе национальной безопасности в условиях информационного противостояния: к постановке проблемы. *Коммуникология*, 12(1): 144–155. DOI: [10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155)
- Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж. 2008. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ., под ред. А.А. Киселевой. Харьков, Издательство Гуманитарный Центр, 352 с. (Jorgensen M., Phillips L. 2002. Discourse Analysis as Theory and Method. London, SAGE Publications Ltd, 229 p. DOI: 10.4135/9781849208871)
- Лисица К.Э., Туркулец В.А. 2022. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 6: 107–110. DOI: [10.23672/19940-2233-9740-s](https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s)
- Никитин А.В., Орлинская О.М., Седаев П.В., Устинкин С.В., Фоменков А.А. 2022. Культура отмены: причины трудностей развития в России. *Власть*, 30(3): 65–69.
- Плотникова С.Н. 2005. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий. *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*, 4: 5–16.
- Родина В.В. 2022. Промышленный дискурс в системе политической коммуникации России. Дис. ... докт. полит. наук. Санкт-Петербург, 588 с.
- Русакова О.Ф. 2023а. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России. *Дискурс-Пи*, 20(2): 32–51. DOI: [10.17506/18179568_2023_20_2_32](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32)
- Русакова О.Ф. 2023б. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ. *Дискурс-Пи*, 20(1): 27–45. DOI: [10.17506/18179568_2023_20_1_27](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27)
- Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г. 2018. Персональный вклад уральских ученых в изучение политических дискурсов: структурно-тематический обзор. *Дискурс-Пи*, 31(2): 30–113. DOI: [10.17506/dipi.2018.31.2.30113](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.30113)
- Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. 2022. Дискурс политики памяти: исследования символических аспектов. *Дискурс-Пи*, 19(2): 154–171. DOI: [10.17506/18179568_2022_19_2_154](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154)
- Рустамова Л.Р., Адрианов А.К. 2023. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике. *Полис. Политические исследования*, 4: 37–53. DOI: [10.17976/jpps/2023.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04)
- Савруцкая Е.П., Бондырева С.К., Устинкин С.В., Никитин А.В. 2022. Проблемное поле стратегии национальной безопасности: нравственный аспект. *Власть*, 3: 70–79. DOI: [10.31171/vlast.v30i3.9047](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9047)
- Сапанжа О.С. 2011. Культурологическая теория музейности. Автореф. дис. ... докт. культурологии. Санкт-Петербург, 60 с.

- Саркисова Е.Г. 2022. Музей в социокультурном пространстве современного общества: функциональная трансформация. Автореф. дис. ... канд. культурологии. Краснодар, 23 с.
- Ульянова С.Б. Никифорова Н.В. 2022. Теория поколений: история и современность. В кн.: Боровков А.И., Виноградова Е.Б., Арканникова М.С. [и др.] Университет 2030: в поисках образа будущего. Под ред. А.И. Боровкова [и др.]. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС: 92–118.
- Хлыщева Е.В. 2023. Культура отмены как инструмент политической элиты. *Вопросы элитологии*, 4(1): 13–23. DOI: [10.46539/elit.v4i1.134](https://doi.org/10.46539/elit.v4i1.134)
- Чугров С.В. 2022. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни. *Полит. Политические исследования*, 5: 88–98. DOI: [10.17976/jpps/2022.05.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07)
- Berger P.L., Luckmann T. 1966. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY, Anchor Books, 240 p.
- Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. 1977. *The love of Art: European Art Museums and Their Public*. Cambridge, Polit Press, 192 p.
- Hein H. 2000. *Museum in transition. A philosophical perspective*. Washington, Smithsonian books, 220 p.
- Hoffman E. 1983. Sphären museologischen Interessen. *Muzeologische sesity*, 9: 91–97.
- Merriman N. 1989. Museum visiting as a cultural phenomenon. In: *A new museology Reaktion*. Ed. P. Virgo. London, Reaktion books: 149–171.
- Parsons T. 1951. *The Social system*. Glencoe, The Free Press, New York, 575 p.
- Weil S. 2002. *Making Museums matter*. W. Smithsonian Books, 288 p.

References

- Avakova E.B., Arkannikova M.S., Ul'yanova S.B., Kholod A.V. 2022. Pokolenie 2030: v poiskakh obraza studenta budushchego [Generation 2030: in search of the image of the student of the future]. In: Boroikov A.I., Vinogradova E.B., Arkannikova M.S., [et al.] *University 2030: in search of a vision of the future*. Eds. A. I. Boroikov [et al.] St. Petersburg, Publ. POLITEKh-PRESS: 118–153.
- Akulich E.M. 2004. Muzei kak sotsial'nyi institut [The Museum as a Social Institution]. Abstract. dis ... doct. sociologist. sciences. Tyumen, 37 p.
- Anikin D.A. 2017. Visualization of historical memory in network society: methodological grounds for research. *Logos et Praxis*, 16(3): 32–39 (in Russian) DOI: [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.5](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.5)
- Arkannikova M.S. 2021. Predislovie [Foreword]. In: Arkannikova M.S., Evseeva L.I., Zubko D.V. [et al.] *Politologiya [Political science]*. Ed. M.S. Arkannikova. St. Petersburg, Publ. POLITEKh-PRESS: 4–9. DOI: [10.18720/SPBPU/2/i21-99](https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/i21-99)
- Arkannikova M.S. 2023a. The right to development: a museum as a national treasure. *Kazanskaya nauka*, 7: 151–154 (in Russian).
- Arkannikova M.S. 2023b. The phenomenon of museum discourse in the system of political discourse: a challenge to national culture. *Kazanskaya nauka*, 9: 314–316 (in Russian).
- Arkannikova M.S. 2023 v. Museum discourse as a category of communicative analysis. *Kazanskaya nauka*, 8: 116–118.
- Arkannikova M.S. 2024a. Communicative effects of the modern museum sphere. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2–2(44): 84–88 (in Russian). DOI: [10.51965/2076-7919_2024_2_2_84](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_2_2_84)
- Arkannikova M.S. 2024b. Modern museum sphere as an object and subject of communication. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, 2–2(44): 75–83 (in Russian). DOI: [10.51965/2076-7919_2024_2_2_75](https://doi.org/10.51965/2076-7919_2024_2_2_75)
- Assman A. 2019. Zabvenie istorii – oderzhimost' istorieĭ [Forgetting History – Obsession with History]. Translated from German B. Khlebnikov. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 552 p. (Assmann A. 2016. *Formen des Vergessens*. Göttingen, Wallstein Verlag, 224 p.)
- Bykov I.A., Akhmedova Yu.D. 2021. Cancel culture in the political discourse of modern Russia. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovaniye. Slovesnost'*, 1(1): 14–26 (in Russian). DOI: [10.24334/KBSU.2021.1.1.002](https://doi.org/10.24334/KBSU.2021.1.1.002)
- Van Deik T.A. 2015. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representation of dominance in language and communication]. Translated from Engl. E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow, Publ. URSS, Knizhnyi dom LIBROKOM, 352 p. (Van Dijk T.A. 2008. *Discourse and power*. Macmillan Education UK, 308 p.)

- Gavra D.P., Arkannikova M.S. 2024. Museum Discourse in the Conditions of Information Warfare: problem statement. *Communicology*, 12(1): 144–155 (in Russian). DOI: [10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-144-155)
- Iorgensen M.V., Phillips L.Dzh. 2008. Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse Analysis as Theory and Method]. Translated from English, ed. A.A. Kiseleva. Kharkov, Publ. Izdatel'stvo Gumanitarnyi Tsent, 352 p. (Iorgensen M., Phillips L. 2002. Discourse Analysis as Theory and Method. London, SAGE Publications Ltd, 229 p. DOI: [10.4135/9781849208871](https://doi.org/10.4135/9781849208871))
- Lisitsa K.E., Turkulets V.A. 2022. «Cancel culture» as a form of stigmatization. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 6: 107–110 (in Russian). DOI: [10.23672/19940-2233-9740-s](https://doi.org/10.23672/19940-2233-9740-s)
- Nikitin A.V., Orlinskaya O.M., Sedaev P.V., Ustinkin S.V., Fomenkov A.A. 2022. Cancel culture: reasons for development challenges in Russia. *Vlast'*, 30(3): 65–69.
- Plotnikova S.N. 2005. Yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost': k probleme razgranicheniya ponyatii [Linguistic, communicative and discursive personality: on the problem of delimitation of concepts]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 4: 5–16.
- Rodina V.V. 2022. Promyshlennyyi diskurs v sisteme politicheskoi kommunikatsii Rossii [Industrial discourse in the system of political communication of Russia]. Dis. ... Doc. Polit. Sciences. St. Petersburg, 588 p.
- Rusakova O.F. 2023a. The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia. *Discourse-P*, 20(2): 32–51 (in Russian). DOI: [10.17506/18179568_2023_20_2_32](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32)
- Rusakova O.F. 2023b. On The Issue of the Concept of “Regime of Memory Politics”: Methodological Analysis. *Discourse-P*, 20(1): 27–45 (in Russian.). DOI: [10.17506/18179568_2023_20_1](https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1)
- Rusakova O.F., Gribov E.G. 2018. Personal contribution of ural scientists to the study of political discourses: a structural and thematic review. *Discourse-P*, 31(2): 30–113 (in Russian). DOI: [10.17506/dipi.2018.31.2.30113](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.31.2.30113)
- Rusakova O.F., Gribov E.G., Moiseenko Ya.Yu. 2022. Discourse on the Politics of Memory: Studies of Symbolic Aspects. *Discourse-P*, 19(2): 154–171 (in Russian). DOI: [10.17506/18179568_2022_19_2_154](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_2_154)
- Rustamova L.R., Adrianov A.K. 2023. Cancel culture: conceptualization of the term and its use in foreign policy. *Polis. Political Studies*, 4: 37–53 (in Russian). DOI: [10.17976/jpps/2023.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04)
- Savrutskaya E.P., Bondyreva S.K., Ustinkin S.V., Nikitin A.V. 2022. The problematic field of the national security strategy: the moral aspect. *Vlast'*, 3: 70–79. DOI: [10.31171/vlast.v30i3.9047](https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9047)
- Sapanzha O.S. 2011. Kul'turologicheskaya teoriya muzeinosti [Culturological theory of museumness]. Abstract dis. ... Doct. Cultural Studies. St. Petersburg, 60 p.
- Sarkisova E.G. 2022. Muzei v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoogo obshchestva: funktsional'naya transformatsiya [Museum in the socio-cultural space of modern society: functional transformation]. Abstract dis. ... Doct. Cultural Studies. Krasnodar, 23 p.
- Ul'yanova S.B., Nikiforova N.V. 2022. Teoriya pokolenii: istoriya i sovremennost' [Theory of generations: history and modernity]. In: Borovkov A.I., Vinogradova E.B., Arkannikova M.S., [et al.] University 2030: in search of a vision of the future. Eds. A. I. Borovkov [et al.] St. Petersburg, Publ. POLITEKH-PRESS: 92–118.
- Khlyshcheva E.V. 2023. Cancel Culture as an Instrument of the Political Elite. *Issues in Elitology*, 4(1): 13–23 (in Russian). DOI: [10.46539/elit.v4i1.134](https://doi.org/10.46539/elit.v4i1.134)
- Chugrov S.V. 2022. Cancel culture in world politics: historical and philosophical roots. *Polis. Political Studies*, 5: 88–98 (in Russian.). DOI: [10.17976/jpps/2022.05.07](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07)
- Berger P.L., Luckmann T. 1966. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge, Garden City, NY, Anchor Books, 240 p.
- Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. 1977. The love of Art: European Art Museums and Their Public. Cambridge, Polit Press, 192 p.
- Hein H. 2000. Museum in transition. A philosophical perspective. Washington, Smithsonian books, 220 p.
- Hoffman E. 1983. Spharen museologischen Interessen. *Muzeologické sesity*, 9: 91–97.
- Merriman N. 1989. Museum visiting as a cultural phenomenon. In: A new museology Reaktion. Ed. P. Virgo. London, Reaktion books: 149–171.
- Parsons T. 1951. The Social system. Glencoe, The Free Press, New York, 575 p.
- Weil S. 2002. Making Museums matter. W. Smithsonian Books, 288 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.07.2024
Поступила после рецензирования 04.09.2024
Принята к публикации 10.09.2024

Received July 11, 2024
Revised September 04, 2024
Accepted September 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Арканникова Марина Сергеевна, кандидат политических наук, доцент, директор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Marina S. Arkannikova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Director of the Higher School of Media Communications and Public Relations, Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.